

*Жизнь
кота
Бакса*

Лилия Медовая

Лилия Медовая

Жизнь кота Бакса

«Автор»

2026

Медовая Л.

Жизнь кота Бакса / Л. Медовая — «Автор», 2026

«Жизнь кота Бакса» это теплая история о жизни семьи, которую видит породистый, гордый, не слишком ласковый, но удивительно внимательный кот. Он видит дом не так, как люди: улавливает перемены по шагам, интонациям и даже по тому, как «пахнет» тревога. В его жизни появляется Артём — мальчик, которому часто тяжело дышать и жить без боли, без головной боли, без приступов, потом маленькая Есения, и мама, которая держит на себе всё. А ещё есть папа, с которым в доме то тихо, то опасно громко. Рассказ не про «милого котика», а про настоящую верность: когда ты не умеешь лечить и не можешь защитить, но можешь быть рядом, вовремя позвать, согреть, вернуться, если тебя ищут, и просто не предать своих. Здесь много тепла, немного юмора, много правды и такие моменты, после которых хочется обнять близких. Это текст, который читается на одном дыхании и долго остаётся внутри. «Жизнь кота Бакса» это выдуманная история с частичкой были, не ищите совпадений.

© Медовая Л., 2026

© Автор, 2026

Лилия Медовая

Жизнь кота Бакса

На правах рукописи

«Жизнь кота Бакса» это теплая история о жизни семьи, которую видит породистый, гордый, не слишком ласковый, но удивительно внимательный кот. Он видит дом не так, как люди: улавливает перемены по шагам, интонациям и даже по тому, как «пахнет» тревога. В его жизни появляется Артём — мальчик, которому часто тяжело дышать и жить без боли, без головной боли, без приступов, потом маленькая Есения, и мама, которая держит на себе всё. А ещё есть папа, с которым в доме то тихо, то опасно громко.

Рассказ не про «милого котика», а про настоящую верность: когда ты не умеешь лечить и не можешь защитить, но можешь быть рядом, вовремя позвать, согреть, вернуться, если тебя ищут, и просто не предать своих. Здесь много тепла, немного юмора, много правды и такие моменты, после которых хочется обнять близких. Это текст, который читается на одном дыхании и долго остаётся внутри.

«Жизнь кота Бакса» это выдуманная история с частичкой были, не ищите совпадений.

«Жизнь кота Бакса»

Меня зовут Бакс. Я кот, и, как говорят люди, «породистый». Шотландский прямоухий, то есть уши у меня не складываются, как у некоторых моих родственников, а стоят ровно, как две маленькие антенны. Они ловят всё: шаги, вздохи, фальшь, радость, страх. Иногда мне кажется, что я слышу не звуки, а мысли. Хотя, возможно, это просто опыт: коты очень быстро учатся понимать, кто в доме как молчит.

Родился я 28 ноября 2021 года, в районе торгового центра Казань Молл. Люди, когда слышат такие слова, представляют магазины, витрины, кафе, дороги. А я вспоминаю совсем другое: холодный воздух с привкусом железа и дыма, тёплый бок мамы-кошки, шорохи в углах и то чувство, когда мир огромен, но ты пока помещаешься в ладонях. Я был маленький и уверенный, что всё на свете должно быть тёплым, мягким и рядом.

Первые недели у котёнка идут как сон. В нём много молока, много сна и ещё больше запахов. Запах — это самая честная вещь. Запах не улыбается, когда ему плохо, и не притворяется, когда ему выгодно. Запах говорит правду. Я запоминал правду этого мира: где безопасно, где вкусно, где опасно, где можно свернуться клубком и не думать.

Когда мне исполнилось три месяца, меня забрала семья. Я тогда ещё не знал, что такое семья, но уже чувствовал, что меня ждут. Это ощущается сразу: руки становятся осторожнее, голос — мягче, движения — чуть торопливее, как будто люди боятся опоздать к счастью.

Меня подарили особенному мальчику. Его звали Артём. Я запомнил его запах с первого раза: он пах не только детством, но и чем-то горьким, медицинским, чужим. И ещё он пах терпением. Дети обычно пахнут бегом, сладким и улицей, а Артём пах так, будто ему часто приходится лежать и ждать, пока тело перестанет спорить с ним.

В тот день в доме была Мама и был Артём. Папы не было: он был в командировке. Для меня это означало только одно — в квартире тихо. А тишина, когда ты только приехал, полезнее любых слов. Я осмотрелся, как положено уважающему себя коту: прошёлся вдоль стен, понюхал углы, заглянул под диван, отметил, где окна и где батареи. От батарей в ту пору шёл самый правильный запах — запах будущего сна.

Мама меня любила. Сразу и крепко, как умеют любить те, у кого внутри много забот, но они всё равно находят место для ещё одной. Мне, если честно, это было приятно, но я делал вид, что мне всё равно. Потому что характер у меня, скажу прямо, не сахар.

Я неласковый. Не потому, что не умею, а потому что так устроен. Ласкаюсь только тогда, когда хочу. А хочу я не всегда, порода. Иногда мне надо посидеть одному, подумать о важном. О важном — это, например, почему хруст корма звучит по-разному утром и вечером. Или почему люди вздыхают, даже когда никто не ругается. Или почему рука, которая гладит, иногда дрожит.

Моим хозяином был Артём. Он был центром квартиры, хотя сам редко это понимал. Вокруг него строились маршруты, расписания, разговоры. У него часто болела голова. Я видел это без слов: он лежал неподвижно, как будто любая мелочь причиняет боль. Около кровати стояло ведро. Я не любил это ведро. Оно пахло тревогой и беспомощностью. Я обходил его стороной, но всегда оставался неподалёку от Артёма, чтобы в любой момент быть рядом.

Люди иногда думают, что коты заботятся только о желудке. Это правда лишь наполовину. Желудок, конечно, вещь важная. Но есть ещё дом. Есть ещё свои. Есть ещё то особенное чувство, когда ты понимаешь: этот человек — твой, и ты не можешь просто уйти в другую комнату, если ему плохо. Ты можешь сделать не так много, но можешь быть. Тёплым. Живым. Настоящим.

Потом случилась аллергия. Я не поверил, когда услышал разговоры. Аллергия на меня? На такого красавца? На такого, извините, кота с породой и достоинством? Но организм человека — странная штука. Он может любить — и одновременно бороться. У Артёма начались приступы: тяжёлое дыхание, кашель, лекарства. И ещё выяснилось, что у него реакция на лошадей и на травы, на берёзу и ольху. Взрослые произносили эти слова, как имена врагов. В конце кто-то сказал: астма.

Я тогда впервые испугался не за себя, а из-за себя. Я понимал: я причина. Не единственная, но причина. Мне стало страшно, что меня отдадут. Коты не умеют обсуждать судьбу за столом, но мы видим лица. Мы видим, как Мама смотрит то на Артёма, то на меня, и внутри неё будто стоят весы. Я сидел на ковре и делал вид, что мне всё равно. А внутри у меня всё было натянуто, как струна.

Артём меня не отдал. Никуда. Он оставил меня дома, хотя ему было тяжело. Он держался. Иногда он гладил меня коротко, будто боялся, что от шерсти станет хуже, но всё равно гладил. Для меня это было самым честным знаком любви: когда тебе тяжело, а ты всё равно выбираешь остаться рядом. Однажды Артём сказал: «Мне будет легче, если мы тебя никуда не отдадим. Близких не бросают». Тогда я понял, что он мой родной хозяин.

Папа вернулся из командировки, и квартира стала звучать по-другому. Шаги стали тяжелее, дверцы — громче, воздух — плотнее. Папа был строгий. Со мной — особенно. Иногда мне попадало так, что я потом долго сидел под кроватью и вспоминал все свои поступки, пытаюсь понять, за что именно. Я ведь не человек, чтобы нарушать правила нарочно. Если я что-то делаю, значит, так правильно по кошачьей логике: посмотреть, проверить, потрогать, прыгнуть, убежать. Это не вредность. Это жизнь.

Он был строг со всеми. Даже когда молчал, строгость была в нём, как запах. Я жалел Маму. Мне хотелось подойти и сказать ей по-человечески что-нибудь такое, от чего у неё расправятся крылья. Но я кот, и мои слова — это мурчание и тёплый бок. Поэтому я просто чаще был рядом. Иногда садился возле её ног, когда она стояла у плиты. Иногда ложился на её свитер, пока она не видит, чтобы оставить на нём свой запах. Кот, если любит, метит не территорию. Он метит человека, чтобы мир не посмел его забрать.

Артём взрослел медленно. Не потому, что он не хотел, а потому, что болезнь, приступа и таблетки делали его дни похожими на осторожные шаги по тонкому льду. Он часто лежал, часто терпел, часто держал в себе боль. Я знал: у него внутри есть сила. Тихая, не показная. Такие люди редко кричат, но они умеют выдерживать.

Я наблюдал за ними всеми и учился. Если честно, коты тоже взрослеют не по годам, а по событиям. События — это когда кто-то плачет. Когда кто-то болеет. Когда кто-то уходит из

дома, хлопнув дверью. Когда кто-то возвращается и долго не снимает куртку, будто не уверен, что имеет право остаться. События оставляют следы. У нас, у котов, следы остаются в глазах.

Когда мне исполнилось три, в доме появился маленький комочек счастья. Мама родила девочку. Её назвали Есения. Имя звучало мягко, как тёплая ткань. Я сначала не понял, что это за существо. Она плакала так, будто мир должен срочно исправиться. И, странное дело, мир действительно исправлялся: к ней бежали, её брали на руки, ей шептали, её укачивали. У маленьких есть особая власть. Не сила, не ум, а право быть главным.

Пока Мама ходила с животом, я часто ложился рядом и иногда прямо на него, если мне позволяли. Мне нравилось чувствовать тепло и движение. Иногда внутри будто толкалось маленькое будущее. Тогда я замирал и слушал, и мне казалось, что я сторож у двери, за которой происходит чудо.

Когда Есения появилась, я полюбил её сразу. Вопреки характеру. Вопреки своей привычке держаться отдельно. Я стал спать рядом с её кроваткой. Не всегда, конечно, потому что кот тоже должен отдыхать там, где ему удобно. Но часто. Я слушал, как она дышит. Дети дышат так, будто мир ещё не успел их напугать. Я охранял её, как охраняют самое дорогое: не глазом, а всем существом.

Мама улыбалась, когда видела меня рядом с девочкой. Я делал вид, что просто выбрал удобное место. Но внутри я расправлялся, как король. Мне нравилось быть полезным.

Потом Есения подросла. И наступил период изучения кота. Если вы думаете, что маленький ребёнок трогает кота нежно, значит, вы никогда не были котом. Ребёнок трогает кота так, будто пытается понять, из чего он сделан. Усы — это, по мнению детей, ручки. Хвост — это верёвка. Уши — это кнопки управления. Лапы — это игрушки, которые надо поймать.

Иногда мне было больно. Иногда очень. Я сначала терпел и уходил. Потом начинал предупреждать: уши назад, взгляд строгий, хвост напряжённый. Но люди не всегда понимают кошачий язык. А Есения тем более. И когда она делала мне особенно больно, мне приходилось давать сдачу. Осторожно. Сдержанно. Не из злости, а из необходимости. Кот тоже имеет право на границы.

Папа видел только одно: кот «обидел» ребёнка. Он не всегда замечал, что ребёнок перед этим тянул кота за хвост или сжимал лапу. Он был строг. Иногда чересчур. Я научился исчезать быстро: стоило ему повыситься голос, и я уже был там, где меня не достать — под диваном, на шкафу, за креслом. У кошек есть талант быть невидимыми, когда надо.

Артём, кстати, понимал меня лучше. Он говорил Есении спокойным голосом: «Не трогай Бакса так. Ему больно, это беззащитное животное». Он не кричал. Он объяснял. И Есения со временем стала слушать чаще. Иногда она подходила ко мне осторожно и гладила мягко. Тогда я, конечно, делал вид, что терплю. Но иногда позволял себе мурлыкнуть. Совсем чуть-чуть. Чтобы она запомнила: если быть бережной, кот отвечает добром.

Однажды я сильно заболел. Я не люблю вспоминать тот период, но он важный, поэтому скажу. Внутри меня будто поселился камень. Я перестал радоваться еде, начал больше лежать, и даже любимое место на подоконнике не спасало. Боль не кричала, она тянула изнутри, как холод.

Мама заметила сразу. Она всегда замечала. Даже когда улыбалась, глаза у неё оставались внимательными. Она начала суетиться, брать меня на руки, заглядывать в глаза, трогать живот, говорить со мной так, будто я понимаю каждое слово. А я и понимал. Не смысл слов, а смысл её голоса: «Не уходи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.